Андрей Дмитриев

Речь ныряет в омут лепета

* * *

Закончится карантин,
закончит контакт коротить —
тень мантией с кариатид
сползёт на закате у моря,
но прежде — чеснок и имбирь,
в одежде — чернобыльский стиль,
надежда — на светлую быль
без лютого глада и мора...

Потом, после времени Ч
извлечь из фейсбучных речей,
что быстры, как печь СВЧ,
сумеем ли мы так же просто
рождественский с виду пирог
с начинкой малиновых склок,
ведь в реку войдём, а у ног
взметнёт пузырьки иной воздух.

Вернёмся, хоть мы и дом*а*
свои не покинули. Тьма
в тугие вберёт закрома
отмытые холодом звёзды.
Согреем в ладони ладонь,
и месяца серп молодой
сожнёт, рожь смешав с лебедой,
поля наших новых курьёзов.

Дмитриев Андрей Николаевич — поэт, журналист. Родился в 1976 году в г. Бор Нижегородской области. Окончил юридический факультет Нижегородского коммерческого института. Обозреватель областной газеты «Земля нижегородская». Автор четырех сборников стихов, среди них — «Глубина тиснения» (2018). Живет в Нижнем Новгороде.

* * *

А ты и прежде был в затворе —
сидел в компании сверчков,
не только трещин на фарфоре
ведущих в тишине учёт,
но и распавшихся на пазлы
аллюзий и ассоциаций с тем,
что клерки не заносят в паспорт
по канцелярской глухоте.
Для рыбок с влажными глазами,
для кошек с космосом в шерсти,
для книг, что как огни вокзала,
ты был вербально допустим.

Без рыка-крика в час полночный
твой обходился лексикон,
хоть был порою рваным почерк,
но то — скрипело колесо
по внутренним дорогам сердца.
Теперь, когда кругом замок
повешен, так ли ново в бегстве
во глубь себя искать зерно...
Притушен свет, приглушен отзвук,
ложится пыль на суть вещей,
лишь где-то под корою мозга
древесный сок — струит сквозь щель.

* * *

На колёсах деревянных
деревянный коник
въехал в комнату, где Ваня
умер под иконой,
а до этого родился
в деревянном срубе,
в деревянной люльке вырос,
выпал, словно рубль —
не железный — деревянный,
закатился в щёлку.
Въехал коник: где же Ваня
наш розовощёкий?

Деревянной половицы
скрип не извлечённый —
без звучания пылится,
спит под тенью чёрной.
За древесною золою
с маленьким совочком
ночь пришла бы, только, к слову,
договор просрочен.
Деревянный конь вкатился
в прежние пределы:
всё за досками из тиса
одеревенело...

* * *

Голова твоя — берлога,
в ней сопит больной медведь,
он решил, что сон — подмога
в гиблом деле, где лишь смерть —
общее мерило судеб.
Спит — и будто бы вокруг
время превратилось в студень,
содрогаясь, но испуг
не кормя на блюдном бреге
с окровавленных ножей,
что так жадно даже в неге
вглубь прорезались уже.

Сон — не в руку и не в ногу,
ни в лопатку, ни в крыло.
Льдом окутало берлогу,
ах, куда ж вас занесло.
Спит медведь — и снится лето:
мёд — без жал, малина — без
егерей, что бьют дуплетом
из кустов у входа в лес.
Голова твоя — вмещает
бурой шерсти целый ком,
то есть полнится вещами,
соревнуясь с чердаком.

Вот проснётся косолапый —
иго хвойное пойдёт
под конвоем по этапу
на безъягодный компот.
По-над ухом взвоют пули,
волчий вспенится оскал.
Глядь, а ты уже в июле,
правда, в отпуск опоздал —
только топи да овраги,
мошкара и прочий гнус.
Зверь отыщет лист бумаги
и попробует на вкус.

* * *

Шагали б мы по улице Стравинского,
когда б она была на самом деле
в том стряпчем месте, где артель неистово
болгаркой с перфоратором владела.
Тонула в накатившей какофонии
любая тонко выданная нота,
ведь звуки эти не в оркестр оформлены,
как, впрочем, и не в строевое что-то...

Уехать бы в абстрактную Венецию —
качаться на волне простых рефлексий,
как делают стихи после Освенцима,
измученные поисками версий.
Вот за окном горит весна священная,
да что поделать с пустотою зала...
Артель сверлит до мозга в помещении,
где кто-то спрячет нос под одеялом.

Когда была б здесь улица Стравинского,
всё стало б хоть немножечко понятней.
Чу! Суд идёт, и время пахнет исками,
хоть в деле столько много белых пятен.
Ветвь лавра увядает в клюве голубя,
сидящего на пепельном карнизе,
но дети, короля увидев голого,
его и пририсуют к Моне Лизе.

* * *

Вот бидончик чёрной краски,
вот растрёпанная кисть —
всё заляпать маркой ваксой,
всё замазать сверху вниз,
хаотично, методично
или как пойдёт рука.
Хватит этих жалких птичек,
что, страшась грузовика,
разлетаются вдоль трассы,
хватит этих пантомим
в грудах тары из пластмассы
посреди раскисших зим...

Густо-густо. Климт был Густав,
но сусальным нет тонам —
чёрным-чёрным, чтоб уж пусто,
словно ночь без звёздных тайн.
Раз уж ничего не нужно,
раз уж музыка слаба,
заковать мазутной стужей
цвет, как вздорного раба.
Запереть в тисках квадрата —
без Малевича, а так,
будто кроешь битой картой
вновь проигранный пятак...

* * *

Как Гвидон в бульон из лебедя,
как козлёнок в молоко,
речь ныряет в омут лепета
до абсурда глубоко.
В четырёх стенах, что в коробе,
остывает пресный корж,
пока ходит тень по городу,
наточив укромный нож.

Воет долго, но безадресно
ветер в жестяной трубе
водостока, что свисается
с крыши, прислонясь к стене.
В этом есть немая исповедь,
скрытый вывих языка,
с чем продолжат перелистывать
воздух лапки паука.

Над пустующими парками
кроны прошлого плывут.
Здесь не то ещё варакали
листья, падая в траву.
Почернело там, где прочерком
прободная язва жгла
графы без имён и отчеств, но,
значит, в них и зрела мгла.

Перемешивают ложечкой
гущу сказанного вслух,
а вдоль блюдца бродят лошади —
прошлогодний рвут лопух.
Электронный адрес вынянчил
одинокий голос твой,
вот и будем, зенки выпучив,
ждать рассвета под водой...